

Сергей Зельдин

Бегущие по волнам

Рассказы

Похождения капитана Гёза

Витя Колобков всерьез переживал за своего сына Сашку.

Да и любой отец на его месте переживал бы, видя, что с его дитем что-то не так.

Конечно, первая отцовская мысль в таких случаях: уж не голубан ли мой сынок?!

Потом, по шкале убывания идут: нюханье клея в подвале, курение дури, планы суицида, онанизм, первая любовь.

Но у Витькиного Сани все было по-другому, мрачнее и безнадежнее: он читал, читал книги, с утра до ночи, как малоумный.

Еще недавно нормальный пацан, вечно ходивший с фуфелом под глазом и со сбитыми кулаками, бывший во дворе на самом лучшем счету у братвы, вдруг, к тринадцати годам, в одночасье, скурвился.

Сначала он перечитал те несколько книжек, что пылились в серванте с середины прошлого века.

Дальше — больше: толковый с виду парнишка ни с того ни с сего записался в библиотеку и стал похож на умного жидка.

Витёк растерялся.

Вначале он мягко подкалывал Саню, стараясь показать ему всю смехотворность его поведения. Потом пытался поговорить с сыном по-мужски и для этого напоил пивом. Под конец грозился дать ремня и, как говорится, «шумел-кричал, права качал», но все без толку.

На работе коллеги-шофера могли Витьку только посочувствовать — о таких отклонениях у детей за последние двадцать лет никто не слыхыл.

Жена тоже ничего не могла хрюкнуть, с виноватым видом разводя граблями, да и что было взять с этой тупой транды?

Единственный, кто был доволен, это училка по литературе. В дневнике, вечно красном от двоек и жалоб, появились размашистые пятерки и даже восторженные записи типа: «Молодец! Так держать!», вызывавшие у папы Колобкова самые противоречивые чувства.

После долгих и мучительных раздумий Колобков-папа решил пока не бить, пацана не ломать, а изучить врага изнутри. Он хотел понять, с чем едят эти книжки? И чего Саня вычитал в них? Может быть, они прибавляют мозгов и учат, как молотить бабки, и он напрасно начал кипеж?

Сергей Зельдин родился в 1962 году в станице Ярославская Краснодарского края. Закончил школу, служил в армии, работал стеклодувом, инкассатором, бизнесменом и даже немного политиком. Печатал рассказы в журналах «Волга», «Крещатик», «Новый берег» и др. Живет в Житомире. В «ДН» публикуется впервые.

Витёк зашел в Санину комнату, пока тот был в школе, и спер у него книжку, какую-то «Бегущую по волнам».

Саня натырил в библиотеке уже столько книг, что хищение было незаметно.

Витёк взял «Бегущую по волнам» в рейс и там, три дня стоя под загрузкой, прочитал ее в кабине фуры от и до.

Совершенно неожиданно выяснилось, что читать книгу не очень противно. Правда, половину этой «Бегущей...» Витёк не понял, как будто читал на иностранном языке, хотя все слова были русские, но из той половины, что он просек, на него вдруг пахнуло чем-то тревожным, соленым, морским.

Чем дальше он думал о прочитанном, тем больше оно его волновало.

Он вдруг вспомнил, как был в детстве на море, в Одессе, как убегал поступать в мореходку на пару с Мишкой Пынзарём, уже давно покойным, убитым на краковском рынке в разборках с цыганами, и так далее.

Всю дорогу домой он улыбался и мурлыкал под нос:

Как провожают пароходы —
Совсем не так, как поезда-а...

Короче, вел себя как поцоватый.

Сашке он ничего не сказал, положил книгу на место и тихонько взял «Голову профессора Доуэля».

В парково-хозяйственный день, после обеда, он рассказывал в курилке:

— Там так, короче: один фраер, Томас Гарвей, англичанин, попал в больничку в Лиссе — сняли с поезда...

— Шо за Лисс?

— Ну, типа, курорт, в Турции или, может, на Адриатике.

— А-а...

— Слушай сюда. Короче, этот чувак, Гарвей, поплыл на парусном корабле. Ну, море, ветер... брызги... А эти черти с парусника везли в трюме наркоту и выкинули его, по ходу, ночью в море — он там дал в рыло капитану Гёзу, за одну телку. Ну и, короче, подбирает его еще одна шхуна. Приплывает он в Гель-Гью...

— Куда?

— Ну, типа, тоже где-то там, на юге, порт.

— А-а...

— Ты слушай. А там, короче, в Гель-Гью, карнавал, то-се, тыры-пыры, шествия, гуляют, бухают, короче, карнавал. И встречает Гарвей одного черта с «Бегущей по волнам», ну, откуда его высадили, берет его за жопу и идет к капитану Гёзу...

Неволью увлекшаяся, недоверчиво улыбающаяся и забывшая курить, слушала шоферня чудовищную версию «Бегущей по волнам» в изложении Вити Колобкова. Перекур промчался незаметно.

— Да-а, гля, чего только на море не бывает! — задумчиво сказал старый слесарь Культя, отслуживший 4 года на флоте. — Слышь, Колобок, а чего книга называлась — «Бегущая по волнам»? Из-за парусника?

Колобков смущенно улынулся:

— Ты понимаешь, я одного не понимаю — кто там бегал по волнам?

Алые паруса

Егор Васильевич был в детстве очаровательным бутузом, не по годам развитым. Когда мама читала трехлетнему Гоге «Алые паруса», он переставал ковырять в носу и так внимательно слушал, как будто что-нибудь понимал. А когда в третьем классе он осилил «Бегущую по волнам», то навсегда влюбился в путешествия, приключения и фантастику.

— Мой ангельчик, пузенька моя! — говорила мама, лаская Гогу. — Глупенький наш крысенок! — вторила ей тетя и тоже его ласкала.

И мама, и горбатенькая тетя Тома, и Гога — все бредили Александром Грином. Мама обожала «Корабли в Лиссе», тетушка боготворила «Фанданго», а Гога любил все подряд.

Тетя даже совершила паломничество в Старый Крым, на могилу Грина.

Вернувшись, она подарила Гоге набор цветных открыток с надписью: «Егор! Пусть всегда тебя не покидает ветер странствий!» На открытках были виды Крыма, вдохновлявшие великого романтика, и иллюстрации к его книгам. Открытки были так же святы, как кипарисовый крестик или пальмовая ветка из Палестины.

Над гогиной постелью висел портрет, аккуратно вырезанный из библиотечной книги. Бывало, Гога взглядывал на ужасное, обглоданное лицо Грина, взбрыкивал ногами, отчего одеяло улетало, вскакивал и, держась за стенку, задыхаясь от нежности к этому человеку, страстно говорил:

Южный Крест там сияет вдали,
С первым ветром проснется компас...

И так ему хорошо представлялись и этот компас, и Южный Крест вдали; так мучительно ясно слышались гуденье и скрип тугих парусов, что он плакал.

В пятнадцать лет Егор впервые увидел море. Море его неприятно поразило. Оно было не лазурное, а грязно-зеленое, без пальм на берегу, без парусников; и в городе, куда Гога приехал на поезде, не было ничего тропического.

Гога ехал к морю, чтобы остаться с ним навсегда, — он ехал поступать на штурмана.

— Начинается отделка щенка под капитана, — сказал Гога на прощание словами Артура Грэя из «Алых парусов».

Мама с тетей зарыдали — они заранее готовились годами ждать своего моряка.

Только когда перрон взрогнул и поплыл, Гога сморщился, шмыгнул носом и вытер непрошеные слезы...

Экзаменов он не боялся, но он опасался медкомиссии. Если честно, то он немножко подпортил себе зрение, читая под одеялом с фонариком. Читать было неудобно и жарко, но так было намного романтичнее. И теперь зрение было ноль-восемь на ноль-семь.

Впрочем, он проявил смекалку, достойную Сэнди Пруэля из «Золотой цепи» — выкрал из школьного медкабинета таблицу зрения и выучил ее наизусть.

Перед отъездом устроили экзамен: мама показывала указкой на неясные, расплывающиеся буквы, а Гога отвечал, звонко и бойко: «эн!.. ка!.. и!.. бе!.. эм!.. ша!.. ы!.. бе!..» Или: «бе!.. ка!.. ша!.. эм!.. ы!.. и!.. эн!..»

Но он срезался не на зрении, а на диктанте.

Гога никак не ожидал удара с этой стороны. Диктант был простенький, для третьеклашек, такой, что Гога все время улыбался, строча его. У него по русскому и литературе были круглые пятерки, и он свысока поглядывал на своих соседей.

Но когда вывесили оценки, у Гоги стояла двойка...

Совершенно убитый, вышел Егор из ворот мореходного училища. Постоял на улице с чемоданчиком, поглядел на пушки и якоря и поплелся на вокзал. Не замечая того, он на каждом углу съедал по мороженому. Он съел его страшно много — херсонского пломбира за 19 копеек...

На вокзале Гога провел два дня, пока его не пожалели и не посадили на поезд до Житомира.

Он трясся на третьей полке, упирался руками в вагонный потолок, чтобы не слететь вниз, и сквозь слезы шептал: «Свет не клином сошелся на одном корабле, Дай, хозяин, расчёт!.. Кой-чему я учён в парусах и руле, Как в звездах — звездочёт!..»

Дома поплакали все вместе.
Надо было жить дальше.

А жизнь летела ужасно быстро.

После многих приключений Егор окончил школу милиции и стал участковым на Житнем рынке.

Там он узнал много такого, чему не учили в школе. Однажды он пожаловался майору Архангельскому, что мясники хотели дать ему взятку. «Сколько?» — спросил майор. — «Триста», — сказал Егор, краснея. — «Взял?» — спросил майор. — «Что вы!» — воскликнул Егор. — «Ну и дурной...» — сказал майор Архангельский.

Служба пошла дальше. Нет сомнения, что со временем Егор освоился бы, пообтерся, но тут советская власть закончилась, и он ушел из органов.

Егор захотел стать частным предпринимателем, чтобы побольше зарабатывать. Но оказалось, что это не так-то просто, и быть коммерсантом — это такой же дар Божий, как быть поэтом, ученым или штурманом. Егор прогорел и продал мамину дачу с будочкой летнего туалета и клубничными грядками.

Когда есть стало совсем нечего, знакомые менты пристроили его в круглосуточный гастроном «Визит» ночным администратором или, говоря другими словами, вышибалой. Сначала Гога был вышибалой не очень хорошим, но со временем наловчился и, чуть что, моментально звонил в милицию и вызывал «группу».

Незаметно пролетели двенадцать лет.

Вдруг Гога женился.

Это было очень странно. Он этого никак не ожидал и очень этому обрадовался. Он был уверен, что никогда не сможет жениться, и не только жениться, но даже не имеет морального права ухаживать за девушками.

А почему это было странно, и чему Гога обрадовался — это было страшной тайной, и Гога скорее умер бы, чем кому-то в ней признался. Достаточно сказать, что на его совести было много кое-чего. Он грешил часто и помногу и лет до шестнадцати ежеминутно ожидал, что его ладони покроются волосами...

Долго ли, коротко ли, но его тесть, отставной полковник, устроил Егора в «Кредитинвестбанк», в юротдел.

Первый раз в жизни Егор Васильевич был солидным человеком. Он ходил в костюме и при галстукке; он получал много денег; он купил маме новое платье, а тете полное собрание сочинений Грина и очки.

По утрам Егор Васильевич просыпался и бежал на кухню готовить Ингочке завтрак. Ингуля была хрупкой, болезненной и чуть-чуть полноватенькой, и поэтому ей надо было хорошенько кушать. Егор Васильевич так сильно любил жену, что она рыдала и даже дралась.

Так, в неге и довольстве, пролетели восемь лет.

Но вдруг, ни с того, ни с сего, Ингочка развелась с ним и выгнала Егора назад, к маме с тетей.

Тут же, как будто специально, разорился банк, «все повтикалы», а Егор Васильевич, до конца оставшийся на своем посту, был назначен сторожем с зарплатой в одну тысячу гивен, что составляло очень малую часть от прежнего великолепного оклада.

Привыкший широко жить, Егор Васильевич приуныл.

Пробовал он вернуться в «Визит», но там все поменялось, гастронома уже не было, а был супермаркет с самообслуживанием, и в вышибалах он не нуждался.

Приходил он и к Ингочке, но там его вытолкали из подъезда взашей.

От такой жизни Егор Васильевич стал пить водку и курить бычки. И он был уже в возрасте — ему стукнуло сорок семь; он был очень седой, и иногда у него болело за грудиной.

Как-то Егор Васильевич сидел и выпивал на кухне, и вдруг им овладела странная причуда. Ему вдруг захотелось к лазурному морю, к пальмам, бригантинам и вообще

в тропики. Он вспомнил, как поступал в штурмана, вспомнил жаркие ночи над томиком Грина, под одеялом, с фонариком...

Романтика всколыхнулась в нем с такой силой, что этого было не передать.

Ему ужасно, ужасно захотелось снова увидеть море.

К несчастью, все гриновские места остались на вражеской территории, а в другие места его не тянуло. Ему мерещились Зурбаган и Гель-Гью, а не какие-то Железные Порты и Гнилые Лиманы.

Оставался древний седой Египет. Но это было очень дорогое удовольствие.

Мама уже умерла от рака и ничем не могла помочь своему Гошеньке. Слепую тетю забрали родственники в Лабинск. Бывшая жена ничем ему не собиралась помогать и даже получала с Егора Васильича алименты на двоих детей.

Никому не дано понять, что стоит бедному пьющему человеку накопить денег. Этого не смог бы понять даже старик Башмачкин. Все же, действуя по методу Акакия Акакиевича, Гога наоткладывал двести долларов. Неизвестно, что бы из этого вышло, но тут счастливый случай помог ему.

Как-то в конце осени он увидел на ступеньках банка кошелек и быстро спрятал его в карман. Прибежала старушка, стала искать свой кошелек с пенсией, вопить, рыдать и чуть ли не кататься по асфальту. Егор Васильевич видел это все через стеклянные двери банка, но не дрогнул и кошелек не отдал. И, как оказалось, не напрасно. Запершись в сортире и открыв кошелек, он нашел в нем не только пенсию, но и хитро спрятанные за дырявой подкладкой двести евро. Радости Егора Васильича не было границ. Пустой лопатник он обтер и сбросил на улице, а сам побежал за путевкой.

Нужно ли описывать прелести Шарм-эль-Шейха? Не нужно — все вы там бывали, и не только там, а и в турецкой Анталии и даже на острове Шри-Ланка, по горячей путевке.

Неделю эту Егор Васильевич провел в морском тумане.

Он был как ненормальный.

Он не обжирался за шведским столом, не хлестал с самого утра дармового виски и не плясал по вечерам вокруг арабского певца, певшего с грузинским акцентом:

— Ка-ай-фuem, ми с тобой ка-ай-фuem!..

Вместо этого он сидел на берегу, по-мальчишески обхватив коленки руками, смотрел на зурбаганскую луну и шептал:

Волна бесконечна;
Всю землю обходит она,
Не зная беспечно
Ни неба, ни дна!..

В свое последнее утро он вошел в море по шею, потому что глубже не умел плавать, и запел на мотив «Землянки»:

Южный Крест там сият вдали,
С первым ветром проснётся компас,
Бог, храня корабли,
Да помилует нас!..

И песня его поплыла над водой в сторону израильского курорта Эйлат...

Приехав из аэропорта, он вошел в комнату, постоял у окна — внизу мчались машины, разбрызгивая снежную грязь; ему стало как-то нехорошо; он прилег на мамин диван, отвернулся к спинке и умер.